

Октябрь в украинской литературе.

Читатель только русской книги и газеты на Украине подобен тому философу, о котором говорит Мефистофель: он не видит зеленого луга, раскинувшегося у самых его ног, рассматривая в подзорную трубу далекое изображение далекой русской природы и русского быта.

Эту подзорную трубу получил в качестве культурного наследия и городской украинский пролетарий, и чем более углубляется русское искусство в коренной русский быт, тем туманнее и бледнее контур его в подзорной трубе.

Попробуем на минутку отложить ее и оглянуться кругом. Чтобы лучше разобраться в запутанном хаосе современной литературы, бросим взгляд на ту, которую застал на Украине Октябрь.

На первый взгляд—картина, напоминающая русскую литературу: пестрая толпа направлений, школ и течений, представляющая мандаты на монопольное обладание истинного искусства. Тут и футуристы: М. Семенко, около которого образовалась уже школа, в символисты—Я. Савченко, М. Терещенко, О. Слисаренко, и революционные поэты, «по преимуществу» Еллап и Чумак; вырисовывается силуэт Павла Тычины, который потом затмит всех, и целый, господствующий школой стоит Олесь и Чупринка, окруженные толпой забытых уже подражателей. Но уже в этой пестрой толпе видны движения, которые приведут новую украинскую литературу на совершенно иной путь, в совсем другом смысле раскроют названия школ и направлений.

Уже для этого периода характерно то, что все школы и направления объединяет одна мысль. Эта мысль—национальное освобождение. Украинская литература за все время своего существования в последние века была литературой угнетенной национальности. И так вплоть до Октября. Повстанческая поэзия Олеса и Чупринки в северянической алегантии М. Семенко имели одиозную цель—так или иначе пробить дорогу украинской национальности. Это одно.

Другая особенность, объединявшая пестрые ряды украинских литераторов, была такая: это не была поэзия господствующего класса; это не была поэзия пролетариата—это была поэзия искрой буржуазии, крестьянства, успешного уже выделиться из

себя интеллигенцию. Эти две черты, теснейшим образом спланивавшие самых заклятых врагов в гуще украинской литературы, коренным образом отделили ее от русской литературы того же периода.

В украинской доктинской литературе мы не находим ни кровожадного непосредства (характерного для военных лет), ни сентиментальной французомании, которым поддались даже такие писатели в России, как Бальмонт, Брюсов, Гоголецкий и многие другие.

Мы не видели в украинской литературе и ликвидаторства, и вытекающей из него установки на порнографию, с одной стороны, и мистику—с другой стороны, а то так и мистическую порнографию или порнографическую мистику. От всех бед и триумфов украинскую литературу спасает объединяющая националистическая идея.

В самом деле, возьмем украинский футуризм. Волею судеб зачинателем его оказался Михайло Семенко—последователь Игоря Северянина, эстетический футурист, эго-эстет и эго-наци. И вот, не говоря уже о таких вещах, в которых поется:

Витряки, хатки, долины,
Сич, зеленый гай,

и с которыми сам Семенко мужественно боролся всю свою жизнь, что такое его эстетные вещи, какал их заветная цель?

Европеизация украинского слова, его окультурение, его прогресс, его победа...

Эта мысль не требует доказательств. Ибо если бы было иначе, то Семенко писал бы по-русски! И если Семенко пишет:

«Я утворю на високий скелі
Самотній замок,
Там напишу я в стилі Растрелі
Символістичну драму»,

то читатель знает, что петербургский студент Михайло Семенко собирается писать эту драму «в стилі Растрелі» на украинском языке, что и составляет суть всего дела в данном случае.

И вот таков же, в значительной мере, и смысл существования украинского символизма. Богоскательства, мистической философии, бегства от политики украинская общественная мысль не знала никогда. Поэтому украинский символизм был только той же модернизацией, европеизацией украинской литературы, являясь прибавочным продуктом, произведенным существовавшей уже

украинской интеллигенцией. Украинский символизм именно в силу этого был гораздо более формалистической школой, чем русский.

Если уже о футуристах Семенко и потом Ярошенко можно сказать, что их интересовали формальные проблемы больше, чем то, о чем они писали, то особенно это можно сказать о символистах.

Я. Савченко, популяризатор Эдгара По. М. Терещенко—проводник французских поэтов, О. Слисаренко, ближе их примыкавший к М. Семенко, — в сущности исполнял то же задание, что и футуристы—популяризация европейского искусства и европеизация украинского искусства.

Особняком стоит в группе этих символистов Дм. Загул. Его вторая книга «На грані» свидетельствует о более глубоком и коренном понимании символизма. Дм. Загул—символист не ради украинской литературы, а исповедует символизм, как мирозерцание. Это повлияло на дальнейшие судьбы Загула.

Появляются первые вещи великого украинского поэта Павла Тычины, близко от него стоят мужественный Еллап и гениальный, безвременно погибший В. Чумак. Наряду с ними являются и первые созерцатели, пессимисты. Где-то пишет новые вещи заклеванный раньше критикой М. Филиппович, являются М. Рыльский, М. Филиппович, М. Зеров.

Все это волнует, кипит, борется между собой. Но читатель не слышит пока ничего. Эти книги напечатаны, но еще не зазвучали. Над мыслями украинского читателя безраздельно властвует Олесь. Этот замечательный поэт еще не дождался тщательной характеристики. Большой лирический талант, легкий воздушный стих и наряду с этим мировоззрение, напоминающее более всего Надсона и лишь отчасти Некрасова. Фигура оригинальная, не знающая соответствующей в русской литературе и имевшая огромное влияние на украинскую читательскую массу, влияние, скорее, вредное, чем полезное.

Такова общая картина украинской литературы в момент Октября в Шиторе и Москве.

На Украине Октябрь победил позже целими тремя годами—в 1920 году.

Но уже в октябре 1917 года, когда русская литература старалась спастись за границу, и в последующие годы, когда пропелся слух, что Иероним Явневский—«за больше

виков», первый, так сказать, предал фронт литературного саботажа, уже в это время на Украине значительные силы немедленно оказались сторонниками советской власти. Гнат Михайличенко, комиссар народного просвещения, Василь Еллап, Василь Чумак—это поэты, пролетарской революции.

Убитый денщиками в Киеве гениальный поэт Василь Чумак девятнадцатилетним юношей поднялся выше всех своих предшественников. Тончайший лирик и мастер стиха—он был в то же время трибуном, проводником пролетарской идеологии. В дальнейшем Октябрь отказывал от политической массы украинских писателей все новые и новые пласты. М. Семенко—член коммунистической партии. К нему приближаются О. Слисаренко, Я. Савченко, В. Ярошенко, М. Терещенко, член партии Ю. Шпол, В. Алеско, член партии Лебедивень...

Вещь дивная и в России невиданная: символисты в полном составе оказываются футуристами и в полном составе присоединяются к партии пролетариата (по крайней мере, идеологически).

В это самое время появляются, однако, и новые люди на арене украинской литературы. В Харькове трое: В. Сосюра, М. Хвильовый и М. Йогансен выпускают совместно с Владимиром Коряком сборник «Жовтець» и кладут начало «харьковскому» периоду украинской литературы. Скоро к ним присоединяется Валериан Полищук, переживающий перелом в мирозерцании и в приемах творчества.

По инициативе Еллапа, в Харькове основывается союз пролетарских писателей «Гарт». В него входят Сосюра, Хвильовый, Коряк, Йогансен, Полищук, Иван Кулик, а через некоторое время и П. Тычина.

Около этого же времени в Киеве объединяются футуристы в «Ассоциацию панфутуристов»—организацию с вполне коммунистическими устремлениями, если и не всегда четкой художественной политикой. В группе присоединяются молодые таланты: Г. Шкурупский, М. Бажан, тогда как футуристически настроенный Г. Колида входит в Харьков в «Гарт».

Между «Гартом» и «Аспанфутом» некоторое время происходит борьба за гегемонию, прерываемая несколькими попытками к соглашению.

Но объективно «Гарт» и «Аспанфут» уже фактически объединяют лучшие силы новой

украинской литературы под знаком революционно-марксистского мировоззрения.

Осколки старой украинской литературы—Филиппович, Зеров, М. Рыльский, Загул—остаются в ничтожном меньшинстве.

В определенный момент, около 22—23 года, выясняется, что в украинской литературе преобладают революционно-марксистские организации, в то время как в России так наз. «получили» одни представляют настоящую литературу, а «пролетарские» поэты не выходят за пределы учебных упражнений.

И причины этому, не только в откровенной слабости дореволюционной украинской литературы—причины лежат глубже. Украинская литература никогда не была литературой господствующего класса: поэтому она в целом сравнительно легко рассталась с буржуазной идеологией.

Украинский национализм еще до революции имел несомненное социальное основание и ни в коем случае не исключительно кулацкое.

Поэтому понятно, почему теперь в украинской литературе идеологическая гегемония пролетариата. Под этим знаком идет ее развитие, под этим знаком притекают новые свежие силы.

Обширная культурно-просветительная организация «Плуг», новая красная «Просвіта», выделила немало писателей. И. Сенченко, А. Панов, Киряленко, П. Голота, Мыськ и особенно талантливый тонкий поэт П. Усенко, прошли в литературу от «Плуга».

Сегодня по всей линии революционной украинской поэзии намечается новый сдвиг—в сторону уточнения работы над вещами. Многие отошли—М. Хвильовый—одна из известнейших теперь прозаиков; Вл. Ярошенко, С. Пилипенко и В. Проноза пишут политические басни, Полищук и Гадзизинский (Европа на вулкане; УССР) уклонились к неудачным попыткам дать политические и географические обзоры белыми стихами, многие еще перешли на прозу (Слисаренко, Сенченко и другие).

Стихов становится числом меньше—разлив входит в берега.

Но гегемония остается и молодой поэт учится не у сухих Зерова, Филипповича и даже не у властного Рыльского, а у революционных мастеров «харьковской» группы, которая почти что стала уже вообще «украинской литературой».

М. ИОГАНСЕН.

Хай живе III й Інтернаціонал! Хай живе самовизвольнені нації!

Київський Комітет РСДРП (більшовиків).

действовать, согласно приказа тов. Сиверса,—о запитини залізничної лінії. Пришли на станцію Чумаково и оттуда зашли указанные тов. Сиверсом станции. Ф. ЗАЙЦЕВ.

Юнкера сдали оружие. Одни за другими вылазили на улицу. Киев. ПОЛЯНОВ.

В последний раз ударили красные флаги. — Смерть—али жизнь облетели—такое дело бойцов-шахтеров. Еще падам, а мы победили. Шахта осталась за нами. ИВАН КИЗЯВ.